

Сварись, как рак, но будет так,
Джон Андерсон, дружок!

Джон Андерсон, дружок
Захочешь — исполать

В постельке теплой поиграть,
В траве побаловать.

Не то тебе навещу, Джон,
Рога за твой должок.

Коль муж не дюж — рогатый муж,
Джон Андерсон, дружок!

* Стихотворение совмещает черты фольклорной «драз-
нилки» (корильной песни) и магического обряда: изле-
чения от мужского бессилия.

Дункан Грей

К нам приехал Дункан Грей, —
Е...ушки, да ё...ушки! —

Из-за гор, из-за морей, —

Ох, и любят девушки!

А Мегги так была мила,

Была мила, да не дала,

Взяла его и прогнала:

«Нужны мне эти ё...ушки!»

Дункан снова у окна, —

Е...уши, да ё...ушки! —

А дом пустой, она одна, —

Ох, и любят девушки!

Он в сени прыг, он Мегги чмок,

Потом на кухню поволок —

И заиграл во весь рожок

Всяки разны ё...ушки.

Она берет его в сарай, —
Е...ушки, да ё...ушки! —
«А ну, давай, еще играй!» —

Ох, и любят девушки!

Он снова чмок, и вдругорядь,

И в третий раз её опять,

А там рожок не смог поднять, —

Уж больно долги ё...ушки!

Дункан в жены взял её, —

Е...ушки, да ё...ушки! —

На счастливое житьё, —

Ох, и любят девушки!

А Мегги злится ночь и день:

«Чего тебе играть-то лень?» —

А он, как тень, а он, как пень:

Доконали ё...ушки!

Роберт БЕРНС
(1759—1796)

Молодая жена

Куда мне, молодке, мне, белой лебёдке,

Куда подеваться с таким-то старьём?

Принёс он мамане полсотни в кармане,

И продали дочку постылому в дом.

Сипучий, хрипучий — всё пилит на случай,

Всё зыркает жабой, шныряет ужом.

Не спится, першитесь — с таким не разжиться

Горяченьким блюдом ни ночью, ни днём.

Зудит он, нудит он, по щелям глядит он:

Не так, да не этак, да всё не по нём.

К парням ни в какую меня, молодую, —
Кривой понедельник связал нас вдвоём.

Одно мне, молодке: послушаться тётки,
Упечь, укандыбать ревнивца живьём.
Ему гроб да крышка, а мне золотишко
На новенький дом с молодым женишком.

Идучи во ржи*

Шла во ржи моя милашка

(Видел — не скажи!), —

Обросилась до рубашки

Идучи во ржи.

День — работа, ночь — гуляшки

(Видел — помолчи!),

Обросилась до рубашки,

Рожью идучи.

Ежли кто кого приметил

(Эх, густая рожь!),

Ежли кто кого приветил,

Видел — не тревожь!

Ежли кто кого целует

(Эх, росистый путь!),

Ежли кто кого милует,

Видел — позабудь!

День — работа, ночь — гуляшки

(Видел — помолчи!),

Обросилась до рубашки,

Рожью идучи.

* Авторская обработка одноименной народной песни
(см. выше).

Дункан Грей*

К нам приехал Дункан Грей, —
Сватушки, эх, сватушки! —

Из-за гор, из-за морей, —

Вот такие сладушки!

А Мегги так была мила,

Мила, да замуж не пошла,

Взяла его и прогнала:

«Нужны мне эти сватушки!»

Дункан сбоку, Дункан в лоб, —

Сватушки, эх, сватушки! —

Как бы нам жениться чтоб? —

Вот такие сладушки!

Он ножку гладь, он ручку хватать,

Он улещать и устращать:

На речку бегал — жизнь кончать,

А всё не сладит сватушки.

Мегги ухом не ведёт, —

Сватушки, эх, сватушки! —

И ни взад, и ни вперёд, —

Вот такие сладушки!

Еще и дразнит невзначай:

Мол, хочешь кончить — так кончай!

Перестаралась через край —

И бросил Дункан сватушки.

Теперь ей кличут лекарей, —

Сватушки, эх, сватушки! —

А он всё крепче да бодрей, —

Вот такие сладушки!

«Что-де я вам — остолоп:

Коль не люб — пошёл, утоп?
Ещё раненько мне во гроб,
Нужны мне эти сватушки!»

Причитает Мегги мать:

Сватушки, эх, сватушки! —
«Неужто дочке помирать?» —
Вот такие сладушки!

А Дункан — парень был добёр:

Оно и грех, и перебор.

Обратно свататься поёр

И свадьбой кончил сватушки.

* Авторская обработка одноименной народной баллады (см. выше).

Та, что мне постелюшку стелила

Как на святки, да глухая ночь.

Шёл я в гору один-одиночка.

Ох, не видно дому, ни деревни —

В завирюху ночевати где мне?

Тут на счастье не звезда светила —

Мне навстречу дева выходила,

Выходила, за руку держала.

Через гору к дому провожала.

Я вошёл к ней писано-учёно,

Ей за ласку отдал три поклона:

«Коль ты руку подала в метель мне,

Прими гостя — постели постель мне!»

Ой, хорóша мне постель стелила,

Ой, пригожа мне постель стелила.

Я клянусь: запомню до могилы

Ту, что мне постелюшку стелила.

Всё хозяйка сделала проворно,

Постелила широко-просторно.

Пригубила чару, присластиться,
И уходит тихо во светлицу.

«Погоди, побудь ещё хоть малость,
Непогода, вишь, как разыгралась.
Сделай милость: снова послужи мне
И ещё подушку положи мне!»

У ней кудри — как из злата свили,

У ней щёки — из вина и лилий,

У ней руки — из слоновой кости, —

У хозяйки, что пустила в гости.

Ой, хорóша мне постель стелила,

Ой, пригожа мне постель стелила.

Я клянусь: запомню до могилы

Ту, что мне постелюшку стелила.

«Убери-ка руки от девицы!

Так держаться гостю не годится.

Коль меня ты и взаправду любишь,

Ты деви́чья цвета не погубишь!»

У ней груди-лебеди белели:

Намели, зная, вьюги да метели

Невелички пагорбы-сугробы, —

Не видать бы краше ничего бы.

Я целую-обнимаю плечи —

У неё умолкли даже речи.

Я ласкаю-пéstую в постели —

У неё и думы отлетели.

Ой, хорóша мне постель стелила,

Ой, пригожа мне постель стелила.

Я клянусь: запомню до могилы

Ту, что мне постелюшку стелила.

А проснулась — зóрюшка виднеет:

Тут она вздыхает и краснеет:

«Ты зачем меня, мой гость, не слушал?

Деви́й цвет мой погубил-порушил!»

Я целую ласково и мило

Ту, что мне постелюшку стелила:

«Через годик, месяц ли, неделю

Будешь вечно мне стелить постелю!»
Она ларь семейный открывала,
Простыню голландску доставала,
У окна садилася, спешила —
На дорогу мне рубаху сшила.

«Я клянуся: до скончанья свету
Не забуду того девья цвету!
Чтоб отрадно-радостно ей было —
Той, что мне постелюшку стелила!

Ой, кто тут бродит у ворот?

«Ой, кто тут бродит у ворот?»
«Да я уж», — отвечал Финдлей.
«От ворот — да поворот!»
«Ну да уж», — отвечал Финдлей.
«Видали, вор у нас каков?»
«Ага уж», — отвечал Финдлей.
«За ночку натворит делов?»
«Ну да уж», — отвечал Финдлей.
«Ему поди, да твори?»
«Ага уж», — отвечал Финдлей.
«Заговорится до зари?»
«Ну да уж», — отвечал Финдлей.
«Одно-то ночку погостит?»
«Ага уж», — отвечал Финдлей.
«Небось, и дальше зачистит?»
«Ну да уж», — отвечал Финдлей.
«Коль выйдет что промежду нас?»
«Ага уж», — отвечал Финдлей.
«Скрывай по свой последний час!»
«Клянусь скрывать!» — сказал Финдлей.

Заплачка-веснянка королевы Марии Шотландской*

Надень, Природа, новый плащ
На сочные дубравы,
Накинь ромашковый покров
На девственные травы.
Блесни, о Феб, в кристалле рек
И в бирюзе небесной.
Ничто, ничто не мило мне
В моей темнице тесной.

Будите, жаворонки, день
Крылом своим росистым.
И, дрозд, в полуденны часы
Дразни округу свистом.
Рассыпь, синица, мелку трель,
Играй вечерню зорю.
Свобода, счастье ваш удел,
А мой — и плен, и горе.

Белей, кувшинка на реке
И жимолость в улоге,
Боярышник по берегам
И тёрён при дороге.
Земля шотландская, цветы
От злака и до древа —
Томлюсь в темнице только я,
Шотландцев королева.

Краса французского двора,
Я с горем не дружилась,
Вставала весело с утра
И весело ложилась.
Настала горькая пора,

Стеклись ко мне печали:
Главу шотландского двора —
Врагам меня преда́ли.

А ты, таившая змею
Соперница-сестрица,
Уже на душеньку твою
Отмщенья меч острится.
Над павшими ты вдовьих кос
Ни разу не склоняла.
Над ранеными женских слёз
Ни разу не роняла.

Сынок! сыночек! воссияй
Звезда тебе златая,
И прочный трон, и вечный май!
А мне не видеть мая.
Пусть материнские враги
Свой старый спор забудут,
Пусть материнские друзья
Тебе друзьями будут.

Без меня радуйся, звеня,
Ах! жаворонка голос!
Клонись по ветру без меня,
Ах! жёлтый житный колос!
Метели, мучайте, свистя, —
Вам узницу не жалко.
Меня оденут год спустя
Весенние фиалки.

* «Заплатка» — уникальная проба рассказать исторический сюжет о противостоянии шотландской королевы Марии I Стюарт (1542–1567) и английской королевы Елизаветы I Тюдор (1558–1603) на языке фольклора — языке не столько даже стилистическом, сколько мировидческом. Здесь обращения и к «добрым» (в начале) или «злым» (в

конце) силам природы; и матери — к будущему сироты; и «доброй» сестры (ср. этикетную адресацию правящих монархов Европы друг к другу: «мой брат», «моя сестра») — к сестре «злой»; здесь и объяснение вражды Елизаветы к Марии тем, что «злая» сестра — безмужняя, бездетная, оттого она безжалостна к страданиям других; здесь и мотив финального бессмертия, «воскрешения» героини через воскрешение природы (весенние цветы на могиле).

Вильяму Симсону, школьному учителю из Охилтри, приславшему мне хвалебные стихи

Посланье ваше, милый Вилли,
Я с тёплым сердцем получил, — и
Признаюсь: слишком вы польстили
Моим стихам.

Я был бы пробкой от бутылки,
Поверь я вам.

Но знаю: гимны вашей лиры —
Не локти острые сатиры,
Не зlostный розыгрыш задиры:
Ведь мы друзья.

И всё же воздвигать кумиры
Друзьям нельзя.

Не стану я, мужлан мужланом,
Протискиваться в ряд с Алланом*
И с Гамильтоном — славным кланом

Любимцев Муз,
А уж к Фергюссону — куда нам! —
Я и не жмусь.

(Фергюссон! В гроб его вогнали
Вы, эдинбургские каналы.
Из вашей каменной морали
Змеится зло.

То, что в картишки вы спуskали,
Его б спасло.)

Когда преданья вечерами
На огонёк слетятся сами,
Не то любви почую пламя
(Моя болезнь!), —
Тряхну крестьянскими вожжами —
И выйдет песнь.

Для Койлы нашей то-то новость:
Певцы и средь её сынов есть!
Они, воспеть её готовясь,
Настроют звук, —
И будет повторять их повесть
И лес, и луг!

Ведь Койлу до сих пор пииты
Не сотворили знаменитой:
Она как остров неоткрытый
Заморских стран
Или пролив, где, бурей битый,
Плыл Магеллан.

Талант Фергюссона с Рамсеем
Восславил Фёрт наш вместе с Теем.**
Про Твид и Ярроу мы имеем
Стихов под сто.
А Ирвин, Лугар, Дун и Эйр — им
Не пел никто.

Родимой Койлы край старинный!
Ее стремнины, долины,
Ее лощины и долины,
И мхи болот,
И вереск пепельно-карминный,
И белый глод.

Ах, Койла! Травы здесь по пояс
И колокольчикова поросль.
Здесь наши прадеды боролись,
И был венчан
Военной славою наш Уоллес,
Бич англичан.

Наш Уоллес! — клич тот горделивый
В вас, прадеды, будил отзвѣы.
Вскипал он в жилах, как бурливый
Овраг весной.
За ним во след кровавый шли вы
На смертный бой.

Ах, Койла! Выси в поднебесье!
Певучий зяблик в перелесье,
Влюбленных зайцев куролесье,
Как во хмелю,
И витютень-рыдалец, — весь я
Твой мир люблю!

В зиме твоей — и то есть чары:
Пустых лесов морозный пар, и
Седеющие крутояры
Вкруг Охилтри,
Пурги слепящие удары, —
Хоть не смотри!

Природа! всё в тебе чарует.
Приемлет сердце и пирует:
Согреет Лето ль и дарует
Нам жизнь и свет,
Зима завоет ли, задует
Снегами вслед.

Тот не Поэт, кто без оглядки
Не бродит без тропы, без кладки

По-над ручьем в глухом распадке,
В лесной тиши —
И слышит (о, какой он сладкий!)
Распев души.

Иные бьют стихом, как пулей, —
Еще и мертвого бы пнули!
А я к Природе лишь прильну, — и
Рад наперёд
Оставить их кусачий улей,
Их хищный род.

Прощайте же, мой брат по Музам!
Я жил, как вы, в своём углу сам,
Но нынче рук и дум союзом
Сроднились мы.
Чужда будь Зависть нашим узам,
Исчадь тьмы!

Пока жируют наши овцы,
И грабят нас законотвóрцы,
Пока вращается вокруг солнца
Земная ось,
К добру ли, к худу***, — остаётся
Ваш — Роберт Бёрнс.

* Здесь и далее имеются в виду шотландские поэты, предшественники Бёрнса: Вильям Гамильтон, Аллан Рамсей, Роберт Фергюссон.

** Здесь и далее — названия шотландских рек.

*** Бёрнс употребляет в конце своего поэтического письма древнюю формулу присяги: «к добру или к худу», «к счастью или к несчастью» (thro' weal or woe, или: for good or bad). Ср. в I разделе, балладу «Правдивый Томас», или во II разделе, кант (песнопение) короля Якова I: повсюду употреблена та же самая формула, пришедшая из седой архаики.

Рождественская пирушка*

А Вилли наш сварил пивца,
А Роб и Аллан тут же в дом!
Ах, что за ночь, что за сердца
Соединило Рождеством!
А мы сидим, а мы не в дым —
А мы чутóк, в глазу одним.
Петух ли пой перед зарёй, —
А мы пиво своё допьём!

Такие мы вот — ого-го! —
Развеселунчики втроём.
А сколько пили до того!
А сколько, дай-то Бог, потóм!
А вон и месяц-белорог
Выходит в небо за окном,
Домой нас тянет за порог.
Он погонит — мы подождём!

Кто первый встал, к двери пошёл —
Он нам не друг, он дуролом.
Кто первый встал и лёг под стол —
Он точно первый за столом!

* Приуроченность пирушки к христианскому празднику Рождества Христова (за которым здесь прочитывается и языческий праздник зимнего солнцеворота, нового годовичного цикла) наполняет скрытым — или полузабытым — ритуальным смыслом все реалии и мотивы стихотворения: и обрядовый напиток — пиво; и пир как единение, родственное или товарищеское; и пение петуха — меру урочного времени, конец праздничной ночи; и даже полупушотное соревнование в хмельной «усидчивости». Ср. Н. В. Гоголя, «Ночь перед Рождеством».

За доброе, за старое*

Забыть ли память старую,
Чем полон я и полон ты?
Забыть ли память старую
И то, как были молодцы?

За доброе, за старое,
За то, как были молодцы,
Давай-ка чокнем чарою
За то, как были молодцы.

Когда мы были молодцы,
В леса-луга ходили мы,
Да долгими дорогами
Все ноги натрудили мы.

За доброе, за старое,
За то, как были молодцы,
Давай-ка чокнем чарою
За то, как были молодцы.

Когда мы были молодцы,
В реке весь день ныряли мы,
Да за морями грозными
Друг друга потеряли мы.

За доброе, за старое,
За то, как были молодцы,
Давай-ка чокнем чарою
За то, как были молодцы.

Пожмём-ка руку старую,
И старую, да верную.
За то, как были молодцы,
Осушим чару первую.

За доброе, за старое,

* Это стихотворение-песня недаром столетиями исполняет роль «неофициального гимна» всех шотландцев — как в самой Шотландии, так и среди эмигрантов за ее пределами. В нем тоже сквозь литературно-фольклорный жанр застойной песни просвечивает поминально-праздничная трапеза: свидание живых с мертвыми, прошлого с настоящим, молодости со старостью, и наоборот. Вечное повторение этой песни символически (а когда-то, — по представлениям пращуров, — совершенно реально) обеспечивало вечный социальный и космический круговорот: возрождение Родины, рода и природы.

Леди Каролина ОЛИФАНТ
(1766—1825)

Страна родных

Ухожу я навек, Джон,
Как в оттепель снег, Джон,
Ухожу я навек

В ту страну родных.
Там печалей нет, Джон,
Ни холодов, ни бед, Джон,
Только вечный свет
В той стране родных.